
НА ГРАНИ ВЕКОВ

Г. В. МАНЗАНОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БУРЯТИИ

В статье исследуются демографические, экономические и социальные процессы развития Бурятии в 1995–2005 гг. Реформы 90-х гг. и последующий экономический и социальный спад в Бурятии впоследствии сменились инновациями 2000-х гг. в форме прямой поддержки этой геополитически важной территории. Однако внедряемых инноваций недостаточно, чтобы преодолеть территориальную удаленность, последствия промышленного кризиса, убыль населения и социальные проблемы без изменения самой основы проводимой модернизации.

***Ключевые слова:** регион, Бурятия, модернизация, освоение, промышленность, социокультурные процессы, депрессивность, этнос.*

Особенности социокультурного подхода

Методологической основой выполненного нами исследования является предложенный исследователями ЦИСИ ИФ РАН Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой подход: регион рассматривается как «территориальное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов» (Социокультурный... 2006: 126). Социокультурный срез анализа позволяет, как мы считаем, лучше выявить факторы, обусловившие резкую поляризацию регионов России за годы реформ, и объяснить особенности трансформации регионов, имеющих различные природно-климатические, геополитические, социально-экономические условия своего развития.

История и современность, № 1, март 2013 163–178

На отдаленных восточных территориях, обладающих менее благоприятными для проживания населения природно-климатическими условиями, где слабо развита инфраструктура и недостаточен доступ к инновациям и качественным социальным услугам, условия среды мотивировали население к возрождению практик патриархального семейного хозяйствования, что в свою очередь привело к натурализации экономики, сокращению доходов бюджетов, углублению депрессивности этих регионов и миграционному оттоку наиболее активного населения. Отдаленные регионы вследствие действия взаимосвязанных факторов миграции – все более утрачивают свою инновационную функцию и тем самым обрекают себя на застой. Это в свою очередь приводит к еще большему углублению депрессивности, разреженности, оголению социального пространства и, что особенно опасно, приграничных территорий. И это особенно видно на примере трансформации населения Республики Бурятия (РБ).

Глубинно-периферийное расположение региона, столица которого находится на расстоянии более 5600 км от Москвы, на границе с Монголией и Внутренней Монголией (провинцией Китая), а также отдаленность поселений и городов, расстояние между которыми в некоторых районах РБ составляет более 300 километров, обуславливает низкую доступность и плохое качество социальных услуг. В силу сырьевой направленности экономического развития и высокой доли отраслей оборонного комплекса высвобождение кадров с предприятий, оказавшихся в ходе реформ Гайдара в затянувшемся глубоком кризисе, было более значительным, чем в регионах Сибирского Федерального округа и в целом по России. Это в свою очередь обусловило высокую долю безработицы и продолжительный миграционный отток населения из региона. Следствием безработицы и низкой заработной платы в силу кризисного состояния предприятий явился повышенный уровень бедности. Недостаточность финансирования отраслей социальной сферы в силу низкого уровня налогооблагаемой базы предприятий региона обусловила повышенную дотационность региона и полную зависимость от центра. Уровень дотационности за годы трансформации повысился с 58 % в 1992 г. до 68 % в 2006 г. По причине бедности, высокой доли безработицы значительная часть населения оказалась

люмпенизирована, следствием этого стало пьянство и плохое состояние здоровья, которое усугубилось низким уровнем доступности и качества социальных услуг, особенно в малых городах и селах.

Согласно методологическому подходу, развиваемому Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой применительно к анализу последствий трансформации регионов, развитие регионального сообщества происходит в результате трансформации двух полюсов: «...один полюс образуют типологические характеристики личности, которые позволяют социальным акторам действовать в данном регионе успешно или неуспешно – для себя и для региона; другим полюсом служит социокультурный статус/престиж, рейтинг данного региона по сравнению с соседними и иными регионами страны, функции/дисфункции этого региона по отношению к жителям этого региона и в целом к российскому сообществу» (Социокультурный... 2006: 131). Таким образом, низкий рейтинг региона Республики Бурятия на шкале развития означает контрастное, разбалансированное удовлетворение потребностей индивидов, организаций и социальных групп, принадлежащих к данному региону, его слабую способность отвечать на вызовы глобализации. Такое состояние можно рассматривать как свидетельство неэффективности властно-регулирующей функции данного региона, его институтов и органов управления, спонтанных процессов самоорганизации. При таком состоянии региона функциональные несоответствия указывают на стагнацию деградации, а соответствия – на стагнацию основных процессов. Наша гипотеза состоит в том, что соотношение функций данного национального региона, скорее, эволюционирует в рамках цикла стагнации. Это означает, что наличие контрастов в соотношении его социальных функций может вызвать такое углубление кризиса, которое позволяет заинтересованным субъектам изменить вектор его траектории в направлении цикла развития. И о том, что в последние годы, начиная с 2002 г., траектория социально-экономического развития Республики Бурятия перешла из цикла стагнации в более перспективный цикл развития, свидетельствует положительная динамика показателей социально-экономического развития, доходов и средней заработной платы населения.

Тенденции демографического развития

За годы переходного периода (1995–2005 гг.) численность населения РБ сократилась на 85 тыс. человек, или на 9 % (Регионы... 2005: 125). С 1995 г. в регионе в результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации началось значительное снижение уровня рождаемости и увеличение уровня смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте, в силу резкого ухудшения состояния здоровья и снижения ожидаемой общей продолжительности жизни населения: с 65,3 лет в 1998 г. до 60,9 лет в 2005 г. (Население... 2008: 201), особенно среди сельских мужчин – до 57 лет в 2005 г. (Там же: 213).

Рождаемость в Бурятии до середины 90-х гг., как и в других республиках и автономных округах юга Сибири, была устойчиво выше средней по стране. Это было следствием унаследованных исторически традиций многодетности, свойственных сельским бурятским семьям, и соответственно более молодой структуры населения в предыдущие годы. Однако традиции многодетности, возможно, уходят в прошлое, что подтверждается резким сокращением рождаемости в переходный период. В результате по уровню рождаемости РБ постепенно приближается к уровню СФО и РФ. Вследствие принятых в последние годы мер государственного стимулирования рождаемости в республике отмечается увеличение рождаемости до 16,1 промилле в 2007 г. против 11,3 в РФ (Регионы... 2005: 45). Однако имеют ли эти тенденции, как считают демографы, временный характер, покажет время. Одновременно с ростом рождаемости в РБ, как и в целом по РФ, до середины 2000-х гг. увеличивался и уровень смертности, хотя из-за омоложенной структуры населения, унаследованной от прошлых периодов развития, он остается все еще более низким. В результате тенденций последних лет в Бурятии с 2006 г. отмечается небольшой естественный прирост, но насколько устойчиво это улучшение, пока остается неясным. Конечно, тенденции изменения демографической ситуации в значительной степени имеют инерционный характер. Но как они отразятся в дальнейшем на процессах трансформации социально-экономического развития региона, очень важно знать для прогностических оценок его изменения в будущем.

Средние показатели по республике не отражают существующих этнических различий: сильной естественной убыли русского населения и более благополучных демографических характеристик бурятского населения, унаследованных от прошлого. Но следствием более высокой рождаемости прошлых десятилетий стал выход на рынок труда значительного по численности поколения бурятской молодежи, особенно сельской. В результате аграрного кризиса и развала социальной сферы села, «достигнутых» в 90-е гг., значительная часть этой молодежи мигрировала в города. Среди сельского населения доля бурят уже в 1989 г. была в 2 раза больше, чем в городах: 35 % и 17 % соответственно (рассчитано по: Итоги... 1990: 58), а теперь село, как, впрочем, и город, становится еще более «бурятским» из-за миграционного оттока и депопуляции русского населения. В результате за годы переходного периода доля бурят среди сельского населения увеличилась на 8 %, а среди городского – на 5 % (рассчитано по: Материалы... 2004: 50). В условиях дефицита рабочих мест выход на рынок значительного числа сельской молодежи усугубляет и без того весьма острые проблемы безработицы и бедности в Бурятии. В поисках заработка население было вынуждено задействовать природный потенциал региона и перейти на подсобные промыслы, имеющие сезонный характер: сбор трав и дикоросов, охота, рыбалка, а также дачное и личное подсобное хозяйство.

Динамика миграционного передвижения населения

Передвижения населения внутри региона занимают наибольшую долю среди всех миграционных передвижений. Это убыль сельского населения преимущественно в столицу РБ и приток в город, выросший с 50,6 % в 1990 г. (рассчитано по: Регионы... 2005: 86) до 72,9 % в 2005 г. (рассчитано по: Там же: 107). При этом интенсивность миграционного прибытия преимущественно сельского населения в город в РБ значительно превышает средние показатели по СФО и России в целом: 73 % против 62 % и 53 % соответственно (рассчитано по: Там же: 110). Вследствие миграционного оттока, особенно молодежи, село стремительно теряет население. И в будущем эти процессы могут только нарастать в силу сокращения рождаемости, ухудшения состояния здоровья из-за пьянства,

алкоголизма и повышенной смертности сельских жителей, если ситуация на селе коренным образом не изменится. При низком уровне заселенности и освоенности территории Забайкалья продолжение процесса концентрации населения в г. Улан-Удэ, где уже проживает 56 % населения республики, создает значительные проблемы в освоении природных ресурсов региона и дальнейшем его развитии. Вследствие закрытия в 90-е гг. ряда производств и кризиса градообразующих предприятий суммарный миграционный отток населения, преимущественно русской национальности, в соседние Иркутскую и Новосибирскую области, Красноярский край составил за 90-е гг. примерно 40–50 тыс. человек (для сравнения: общая численность населения столицы РБ г. Улан-Удэ – 400,1 тыс. чел.) (Манзанова 1999: 35). В результате, как уже отмечалось, возросла доля бурят среди жителей столицы. Наибольший пик миграционного выбытия населения пришелся на 2000–2001 гг. в связи со сворачиванием «стройки века» (БАМ) на Бурятском участке. В последние годы интенсивность миграционного движения населения (как отток за пределы региона, так и прибытие населения из других регионов России и республик СНГ) стала постепенно ослабевать. Стабилизация миграционного передвижения населения в 2000-е гг. случилась не столько из-за улучшения социально-экономической ситуации в республике, сколько потому, что основная часть миграционно настроенного населения в 90-е гг. уже успела выехать из региона. А переезжали в это же время в регион в основном жители северных городов, поселков и русское население стран СНГ, где в конце 90-х гг. переход экономики на новые рельсы уже завершился. Является ли происшедшая в 2000-е гг. в отличие от 90-х гг. тенденция к ослабеванию межрегиональной активности населения устойчивой, очень важно знать для развития этого региона в будущем.

Трансформация структуры занятости

Тенденции изменения структуры занятости населения в регионе схожи с общероссийскими: снижение доли занятых в промышленности и строительстве при росте занятости в сфере услуг и относительно стабильной занятости в аграрном секторе. Однако в Бурятии уровень занятости населения был подвержен более сильным

колебаниям вследствие действия факторов, унаследованных с 90-х гг. Кризисный спад занятости в РБ в 1998 г. был более значительным по сравнению с СФО и Россией в целом – до 45 % (см.: Труд... 2003: 151), вследствие действия факторов, унаследованных от предшествующего периода: высокой доли отраслей оборонного комплекса, монопрофильности городов и поселков, более резкого инвестиционного спада в 90-е гг. и сворачивания «стройки века» (БАМ) на Бурятском участке. К тому же в середине 1990-х гг. произошло массовое высвобождение рабочей силы по причине остановки крупных горнодобывающих предприятий из-за нерентабельности добычи сырья (Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, Гусиноозерские угольные разрезы и шахты). Вследствие территориальной обособленности региона тяжелая ситуация сложилась в многочисленных монопрофильных поселках севера и юга республики, первые из которых специализируются на лесозаготовке, а вторые – на переработке продукции сельского хозяйства. Роль «накопителя» для высвобождающихся работников из промышленности и строительства в РБ, как и в других регионах РФ, выполняла торговля, где до дефолта быстрее всего росла занятость, однако возможности развития этой отрасли по сравнению с другими регионами СФО и РФ в целом были ограничены из-за низкого платежеспособного спроса населения. Наиболее интенсивно, чем по СФО и РФ в целом, за 2001–2006-е гг. происходило сокращение занятых в промышленности и сельском хозяйстве – более чем на одну треть, а также в строительстве – более чем на четверть (см.: Регионы... 2005: 125). После кризисных 90-х гг. значительное положение в структуре занятости населения республики стали занимать отрасли, продукция которых имеет преимущественно внутренний спрос: добыча угля и электроэнергетика, машиностроение, пищевая промышленность и традиционные формы сельского хозяйства в национальных районах: экстенсивное животноводство, а также рыбный, пушной промыслы в Прибайкалье. В постдефолтные 1999–2002 гг. занятость в регионе стала более стабильной, однако начиная с 2002 г. последствия перехода на импортозамещающие производства были исчерпаны, и занятость в отраслях промышленности, сельского хозяйства и строительства стала вновь сокращаться, так и не вернувшись на уровень середины 1990-х гг. Настора-

живающим с точки зрения возможностей смягчения в дальнейшем проблем занятости в этом регионе является тот факт, что постепенно исчерпываются предоставленные дефолтом 1998 г. возможности для развития отечественной промышленности в регионе. И об этом свидетельствует динамика индексов развития основных отраслей промышленного производства РБ: угольной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которая после 2002–2003 гг. постепенно идет на спад. Отрасли цветной металлургии, ориентированные на внешние рынки, представленные низкорентабельной добычей золота (рудного и россыпного) и вольфрамо-молибденовых руд, имеют низкий экспортный потенциал. К тому же из-за отдаленности региона их дальнейшее освоение также не представляется возможным вследствие оттока из региона квалифицированной рабочей силы в предыдущий период и недостаточно развитой социальной инфраструктуры, необходимой для притока кадров извне.

Экспортный потенциал развития имеют только отрасли электроэнергетики в связи с близостью границы с Монголией, куда уходит избыточная электроэнергия, произведенная на Гусиноозерской ГРЭС, а также лесная и деревообрабатывающая промышленность из-за поставок большей части заготовленного в Бурятии леса и пиломатериалов в Китай. Однако развитие этих отраслей в дальнейшем затруднено из-за недостаточности материально-технической базы. Относительно благоприятная ситуация сложилась в сфере занятости только на авиастроительном предприятии г. Улан-Удэ (вертолеты Ми и истребители МиГ), созданном в советский период вблизи границы с КНР для обеспечения Забайкальского военного округа, производство которого ориентировано преимущественно на экспорт. Но из-за миграционного оттока высококвалифицированного населения преимущественно русской национальности в 90-е гг. это предприятие испытывает сильнейший недостаток кадров, особенно специалистов и рабочих высокой квалификации.

По уровню экономического развития Бурятия находится между «средняками» и наиболее слабыми регионами. Душевой валовой региональный продукт (с корректировкой на стоимость жизни) в республике в 2006 г. составлял 56 % от среднероссийского (Ре-

гионы... 2005: 45), по этому показателю Бурятия находится в шестом десятке в списке регионов.

Динамика регионального рынка труда

Сдвиги в структуре занятости населения в переходный период обусловили изменения в динамике регионального рынка труда. Для него характерны тенденции: повышенный уровень безработицы из-за кризисных явлений в отраслях экономики и относительно низкий уровень экономической активности населения Бурятии: 62 % в 2007 г. против среднего по РФ – 67,1 % (рассчитано по: Социальное... 2008: 89) из-за меньшей активности женщин (частично занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве) и развития различных форм самозанятости населения (дачное, личное подсобное хозяйство, сбор дикоросов). Развитие архаичных форм самозанятости населения – это следствие кризиса и перехода к патриархальному типу хозяйствования, особенно в районах с монопрофильной структурой хозяйственного комплекса: Закаменском, Джидинском, Еравнинском, где из-за закрытия ряда производств высвобождение кадров было более значительным. Как реакция на ухудшение ситуации на рынке труда снижение уровня экономической активности началось в первой половине 1990-х гг. и было максимальным в 2001 г. – 59 % и 2004 г. – 61 % (рассчитано по: Там же: 92) после некоторого оживления в экономике. Динамика безработицы в республике совпадает с общероссийской, однако периоды роста и падения были более резкими из-за слабости экономической базы в республике. Начиная с 2002 г. уровень безработицы и численность безработных постепенно снижаются, однако на фоне большинства регионов РФ уровень безработицы все еще остается значительно более высоким; так, в 2007 г. в Бурятии уровень безработицы был в два раза выше аналогичных показателей по России: 12,9 % и 6,1 % соответственно (рассчитано по: Там же: 105). У безработицы в РБ по сравнению с другими регионами РФ преобладает так называемое «мужское лицо», причем наибольшее число безработных приходится на возрастную группу 20–29 лет и 30–39 лет, то есть на самый активный трудоспособный возраст. Это свидетельствует о более застойном характере рынка труда с точки зрения возмож-

ностей трудоустройства населения и решения проблем занятости в регионе.

Социально-экономическое положение населения

Сильный спад в экономике в 1990-х гг. привел в действие два фактора нарастания бедности: рост безработицы и снижение уровня оплаты труда. В сочетании с невысокими социальными пособиями это привело к распространению бедности в республике. В самом неблагоприятном 1999 г. в зону бедности попала половина населения, худшие показатели имели только слаборазвитые национальные образования юга Восточной Сибири и депрессивная Читинская область. Как и во всех российских регионах, в Бурятии велики внутрирегиональные различия в уровне денежных доходов населения. Бедность локализована в большей мере в аграрных южных и северных лесозаготовительных (без золотодобычи) районах республики, где она имеет застойный характер из-за натурализации хозяйств, усиления роли личного подсобного хозяйства в бюджетах как сельских, так и городских домохозяйств. В постдефолтный период (1999–2002 гг.) по темпам роста душевых доходов населения республика «проигрывала» беднейшим регионам (Тыве, Читинской области, Агинскому Бурятскому АО), получившим наибольшие объемы федеральной помощи. Начиная с 2002 г. в период так называемого экономического подъема уровень реальных располагаемых денежных доходов населения за 5 лет вырос в 1,6 раза, среднемесячная заработная плата – в 2,4 раза. Доля населения с доходами ниже прожиточного уровня сократилась с 37,2 % в 2002 г. до 29,7 % в 2006 г. Снижается уровень общей безработицы, который в 2002 г. составлял 15,4 %, в 2006 г. – 13,4 % от численности экономически активного населения РБ (Социальное... 2008: 58). Состояние большинства промышленных предприятий г. Улан-Удэ остается проблемным, поэтому заработная плата занятых невелика, а преимущества центральных функций (управление, концентрация финансовых потоков) способствуют развитию теневых доходов, не поддающихся официальному учету. Начиная с 2001 г. крупный капитал пришел в целлюлозно-бумажную промышленность Бурятии (Селенгинский ЦКК с 2001 г. принадлежит группе «Базовый элемент») и в «оплот» бурятской экономики – добычу золота

(с 2009 г. «Северсталь» владеет контрольным пакетом акций ОАО «Бурятзолото», вошедшего в один из дивизионов компании «Северсталь-Ресурс»).

Одновременно с 2001 г. в столице РБ начался бурный рост финансовых и банковских структур, где уровень заработной платы и доходов в разы превышает заработную плату и доходы работников других отраслей экономики. Поэтому значительный рост показателей в этой сфере в последние годы был достигнут за счет аккумуляции доходов в финансовых и банковских структурах. А рост средней заработной платы и уровня доходов в регионе характеризует лишь рост «средней температуры по больнице». При этом средняя зарплата работников сельского хозяйства в два с лишним раза ниже прожиточного минимума, она составляет всего четверть от средней по экономике Бурятии, хотя в целом по стране заработки в агросекторе составляют 40 % от средней зарплаты (данные 2004 г. по ОКОНХ). То есть положительная динамика показателей доходов и средней заработной платы населения свидетельствует не о прогрессивных тенденциях в экономике, а лишь о прямой адресной накачке денег в регион в «тучные» 2000-е гг. (благодаря росту доходов нефтяного сектора) за счет активизации механизма прямого перераспределения средств, унаследованного от советского периода. Однако, как показывают результаты нашего анализа, в отличие от советского периода эти средства были востребованы не в отраслях экономики, а в банковском и финансовом секторе. В результате резкого роста доходов в этом секторе и массового вовлечения населения в различные кредитные программы значительно увеличился совокупный покупательный спрос жителей депрессивного региона и по показателям индексов социально-экономического развития Бурятия постепенно стала догонять Сибирский федеральный округ и Россию в целом. Однако отставание РБ все еще остается значительным вследствие более глубокого спада в экономике в предыдущие годы и стагнации основных отраслей.

В условиях глобализации через механизм внешних миграционных и социальных контактов между представителями элит России, Монголии, Китая происходит обмен социально-экономической информацией с целью поиска новых механизмов более эффективного использования и распределения финансовых потоков, накопленных в «тучные годы». И особенно стремительно этот процесс происхо-

дит в приграничных территориях, например в соседней с Монголией и Китаем Республике Бурятия (Россия). На основе постоянных контактов представителей элит различных стран идет процесс постепенного расширения границ финансовых механизмов и практик. В 2008 г. на территории Бурятии была создана свободная экономическая зона «Байкальская гавань». В условиях глобального кризиса в странах Запада, сопровождающегося падением мировой гегемонии доллара, и стремительного подъема экономики Китая через приграничные территории постепенно отрабатывается механизм транзита и перетекания финансовых средств в более выгодные для реструктуризации финансовых потоков территории, что в свою очередь обрекает экономику России на дальнейшую стагнацию и бесперспективность развития.

Интегральные индексы

По интегральным оценкам уровня и качества жизни населения Бурятия относится к регионам, слабо адаптировавшимся к рыночным условиям, с неблагоприятной социальной средой. Республика остается аутсайдером как по индексу развития человеческого потенциала (69 место из 80 в 2006 г.), так и по «кризисному» индексу качества жизни (78 место из 88) (см.: Индекс... б. г.). Низкий рейтинг по ИРЧП обусловлен как невысоким значением душевого ВРП Бурятии, так и плохими показателями по социальным компонентам, особенно по долголетию. Отставание по индексу качества жизни также высвечивает социально-экономические проблемы республики: безработицу, относительно высокий уровень бедности, повышенную младенческую смертность и низкую ожидаемую продолжительность жизни. Аккумулируя разные проблемы Бурятии, не выглядящие столь острыми по отдельности, интегральные показатели наглядно демонстрируют их кумулятивный эффект.

В начале работы нами была поставлена задача проверки гипотезы о том, что низкий рейтинг региона Республики Бурятия на шкале развития может вызвать такое углубление кризиса, которое позволяет заинтересованным субъектам изменить вектор его траектории в направлении цикла развития. И о том, что в последние годы начиная с 2002 г. траектория социально-экономического развития Республики Бурятия перешла из цикла стагнации в более перспективный цикл развития, свидетельствовала положительная ди-

намика показателей индексов социально-экономического развития. Однако, как показывают результаты нашего анализа, эти тенденции имели лишь временный эффект. Соответствия низкого рейтинга Республики Бурятия на шкале развития и низкого рейтинга по ИРЧП указывают на стагнацию основных социально-экономических и демографических процессов в регионе, его слабую способность отвечать на вызовы глобализации.

Бурятия обладает громадными запасами природных ресурсов (почти вся таблица Менделеева), выгодным стратегическим положением – она находится на пересечении границ Монголии и Китая, по ее территории проходят важнейшие транзиты к нефтяным и газовым месторождениям Восточной Сибири. В настоящее время для того, чтобы заново освоить этот регион, правительство России предполагает реализовать здесь обширные инвестиционные проекты. Планируется освоение Мокской ГЭС, Сосново-Озерного ГОК, Тугнуйского угольного разреза, железнодорожной магистрали (БАМ) и других. Решение проблем занятости населения и перспективы развития экономики Бурятии связаны также и с возможным освоением крупных месторождений урановых, полиметаллических, вольфрамо-молибденовых руд для поставок на внутренний и мировой рынки, а также с использованием рекреационных ресурсов Байкала, наращиванием транзитных функций Транссиба, БАМа, строительством нефте- и газопроводов из Иркутской области на территорию Китая. Это в свою очередь потребует развития отраслей агропромышленного комплекса, строительства дорог, жилищных объектов и социальной инфраструктуры. Однако для освоения намечаемых макропроектов нет ни кадров соответствующей специализации, которые за годы депрессивного развития успели выехать из РБ, ни соответствующей институциональной инфраструктуры, которая за годы перехода к рынку так и не была создана. И это будет в дальнейшем главным препятствием для попыток возвращения стремительно выезжавших в 1990–2000-е гг. квалифицированных кадров и повышения уровня урбанизированности региона. Для эффективного освоения территорий Забайкалья и Дальнего Востока – модернизации автомобильных и железных дорог, освоения удаленных месторождений, ввода новых производств – нужен более высокий уровень развития производительных сил, который

невозможно обеспечить без привлечения и закрепления кадров. Вновь, как и прежде, возникает замкнутый круг: освоение новых земель тормозится медленной урбанизацией, которая в свою очередь сдерживается тем, что ресурсы государства уходят на экстенсивное развитие отдаленных территорий.

И здесь уже на примере трансформации национального региона в так называемый стабилизационный период мы видим, что в результате действия унаследованных от прошлых этапов развития страны особенностей развития депрессивные регионы становятся обреченными на воспроизводство депрессивных отношений. Человеческий, социальный, культурный капитал, сформированный в течение всей истории трансформации природного и социально-экономического геополитического положения различных территорий РФ, оказал решающее влияние на выбор населением того или иного типа рабочих мест и хозяйственных практик, что в конечном счете и определило дифференциацию социально-экономического развития отдельных регионов России и особенности форм социально-экономической политики и методов ее регулирования. Наблюдаемые нами процессы позволяют сделать вывод о невозможности проведения масштабных преобразований, основываясь только на экзогенно внедряемых сверху глобальных инновациях, без учета действия внутренних факторов, унаследованных с прошлых этапов развития отдельных региональных аграрных сообществ. Ограниченность функциональных расчетов повлияла на выбор ошибочных, на наш взгляд, приоритетов в социальной политике, что сказалось на результатах масштабных преобразований. Логика трансформации региональных сообществ раскрывает более сложную картину их трансформации, поэтому представления, сделанные на основе функциональных расчетов, становятся ограниченными и недостаточными для целей нашего анализа. Необходимы учет всей сложности объекта управления, знание природных, социально-экономических и социокультурных особенностей развития регионов РФ, особенно в национальных приграничных территориях, а также, как было рассмотрено нами ранее, взаимная адаптация параметров реформ и характеристик социально-экономической среды регионов России, в которых они внедряются. Между тем в развиваемой федеральными органами политике по управлению социально-экономическим развитием территорий РФ сделан упор на внеш-

ние факторы их трансформации. Это, в свою очередь, приводит к нарастанию процесса территориальной изоляции и анклавности развития, что особенно опасно для приграничного региона, имеющего родственные традиции и культуру, сохранившиеся этнокультурные связи с этносами, проживающими в Монголии и Внутренней Монголии (приграничной провинции Китая). Игнорирование действия социальных регуляторов хозяйственного развития регионов, сформированных в течение всего хода истории становления регионального пространства России, приводит, как мы все более убеждаемся, к непредсказуемым последствиям.

В условиях глобализации и международных связей для Бурятии уже становится доступен другой опыт, например Монголии, которая путем трансформации традиционного хозяйственного уклада смогла перейти на качественно иную ступень развития. В Бурятии – приграничной территории – на уровне конкретных действий крестьян уже идет обмен опытом по внедрению монгольского нomaдного животноводства, использования адаптивных технологий развития сельского хозяйства как более экологических и эффективных. Новая экономика, которая, напротив, будет построена на использовании достижений культуры народов (а не на доминировании опыта стран Запада, который уже не имеет стимулов роста), взаимообогащении культур (а не их противостоянии) и обмене опытом (а не навязывании уже устаревших продуктов и технологий), не за горами. И в выигрыше окажутся те страны и регионы, которые смогут найти и использовать источники нового роста. Новая экономика будет не разделять, а объединять народы и государства в решении совместных назревших проблем в сфере сельского хозяйства, экологии, опустынивания, регулировании водных ресурсов, создании источников нового роста, основанном на устойчивом развитии и решении проблем продовольственной безопасности.

Литература

Индекс развития человеческого потенциала. [Б. г.] Независимый институт социальной политики. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index.shtml>

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. (национальный состав, состав населения). Улан-Удэ, 1990.

Манзанова, Г. В. 1999. Процессы урбанизации и маргинализации в Республике Бурятия. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Тезисы докладов VIII научной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»*). Вып. XV. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». М.: Московский лицей.

Материалы выборочной переписи населения 2002 г. (национальный состав, состав населения). Улан-Удэ, 2004.

Население Сибирского Федерального округа. Чита: ЧитаSTAT, 2008.

Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ: стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2005.

Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского Федерального округа за 2003–2007 гг.: стат. сб. Новосибирск: Новосибирск-стат, 2008.

Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». М.: Ин-т философии РАН, 2006.

Труд и занятость в России: стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2003.